

Кошелёк, спрятанный в рукаве, приятно оттягивал его тяжестью, и Цинь Хэ не мог удержать счастливую улыбку на лице.

— Младшая сестра, не уходи сегодня, — сказал он. — Я пойду куплю баранины, вечером приготовлю тебе мясо.

Настроение у него было, словно весна во всём разгаре - тёплый ветер и цветущие поля.

— Я куплю побольше, позовем отца, мать и братьев с нами поесть.

Куй Сояхуа захлопала в ладоши от радости:

— Спасибо, невестка! Я давно уже мечтаю о баранине. С самого прошлого кануна Нового года до сегодняшнего дня по пальцам можно пересчитать, сколько раз мы её ели. И то, если считать и этот раз, когда ты угощаешь!

— Сегодня куплю побольше, чтоб ты наелась досыта, — с улыбкой сказал Цинь Хэ. — Хочешь тушёную баранину, шашлык или как-нибудь ещё?

Куй Сояхуа сглотнула слюну:

— Не знаю... Обычно у нас мама просто нарезает баранину кусками и тушит с капустой и редькой...

— Так невкусно, — покачал головой Цинь Хэ. — Так слишком сильно пахнет бараниной.

Младшая сестра Куй и не знала, чувствуется этот запах или нет; она лишь понимала, что перед ней баранина. Но раз платит невестка, значит, как он скажет, так и будет: говорит, есть запах - значит, есть.

Куй Сояхуа громко согласилась:

- Да, пахнет! - она подалась к Цинь Хэ вплотную; в её глазах Цинь Хэ словно видел две жирные овцы, - Невестка, как ты хочешь приготовить баранину?

Цинь Хэ не удержался и фыркнул от смеха:

- Купим одну баранью ногу и запечём, ещё цзинь, чтобы сделать суп. Еще купим пять цзиней свинины, чтобы сделать два цзиня мясной начинки для жареных пельменей. Сварим большой котёл тёплого бульона и поджарим ещё два овощных блюда.

- Хорошо! — Куй Сояхуа чуть не подпрыгнула от радости.

- Далан, а ты что хочешь? — спросил Цинь Хэ. - Назови какое-нибудь блюдо, я приготовлю как следует.

Куй У мрачно, пристально посмотрел на Цинь Хэ. Он давно не ел мяса, но при этом имел в виду лишь «мясо» определенного человека.

Хотя слов никто не произносил, взгляд Куй У был слишком откровенен, настолько прямой, что никакой маски не требовало. Вероятно, даже случайный прохожий, не вникающий в их разговор, понял бы, что он хочет сказать глазами. И это всё перед его ещё не вышедшей в свет младшей сестрой!

Цинь Хэ поспешил посмотреть на Куй Сояхуа; к счастью, та была полностью поглощена мыслью о еде и совсем не замечала их беседы. Тогда стыд у Цинь Хэ немного спал с лица.

Они направились на ту же самую улицу; у прилавка мясника Чжоу стояло три-четыре покупателя. Мясник Чжоу, подняв голову, увидел Куй У с компанией и на его лице вспыхнула улыбка, совсем иная, чем при виде обычных посетителей.

— Куй-далан, ты почему подходишь без единого звука? — сказал Чжоу. — Ты хоть пискни, и я отрежу тебе мясо первому.

Куй У большими шагами подошёл к прилавку выбирать мясо; Цинь Хэ помнил, что в прошлые разы Чжоу всегда так тепло с ним общался, и, улыбнувшись, ответил:

— Народу-то немного, подождём. В торговле ведь всегда уважают порядок «первым пришёл - первым обслужен».

Куй У рассматривал баранину на прилавке, и Цинь Хэ подошёл ближе, чтобы тоже приглядеться. Мясник Чжоу, увидев, как близко они стоят, что даже младшая сестра отошла чуть назад, прищурился, словно наблюдая за сценой, и с насмешкой сказал:

— Эй, далан, что это ты, фулана уже задобрил? Он больше с тобой не в ссоре?

Что? Цинь Хэ уставился на мясника округлившимися глазами. Они с Куй У когда вообще ругались? Кажется, ни разу, Куй У всегда вёл себя спокойно, в доме ни разу не повысил на него голос. Ну, разве что иногда по каким-то странным... гм... трудно объяснимым поводам...

Лицо Куй У потемнело. А мясник Чжоу, наоборот, разошёлся ещё больше. Во всей внутренней и внешней части города только он один, такой же здоровяк, осмеливался вот так подшучивать над Куй У. Хоть драться с ним он бы и не стал, но язвить языком был мастер.

— Что такое, Куй-фулан не знает? — мясник Чжоу рассмеялся максимально сально. — В тот день далан пришёл ко мне за мясом, говорит, мол, разозлил своего фулана, вот и пришёл мяса купить, чтоб загладить вину. Вид у него был такой жалкий, что я из жалости не только субпродукты ему со скидкой продал, но и купил у него цзинь тех его конфет, чтобы он побыстрее распродался и шёл домой уговаривать тебя.

Это случилось не так давно, но в последние дни Цинь Хэ так был занят делами, что совсем вылетело из головы. Выходит, тогда Куй У точно так же, как он сам, переживал, волновался... Значит, его конфеты тогда продались не благодаря удаче или вкусу, он попросту обошёл знакомых и упросил их выкупить всё?

Значит, теперь все знают, что Куй У якобы разгневал своего фулана и ходил уговаривать друзей скупить сладости, чтобы задобрить его?

Цинь Хэ хотел провалиться сквозь землю. Лучше бы он сегодня вообще из дома не выходил, теперь как людям в глаза смотреть?

Редкость, но даже Куй У, похоже, испытал что-то вроде стыда: лицо его покраснело, хотя, учитывая его всегда мрачное выражение, заметить это было не так просто.

— Вздор! — буркнул он. — Что ты несёшь, Чжоу? Тебе бы не мясом торговать, а сказки на рынке рассказывать. Вот был бы успех! Человек пришел к тебе за мясом, а ты сразу целую историю про него придумашь.

Куй У с абсолютно серьёзным видом заявил:

— Что до конфет - это мой новый бизнес. Разумеется, я должен был заняться продвижением.

— Далан, тебе не стыдно? — с притворным удивлением спросил мясник Чжоу. — Сам же говорил, что пришёл мириться, теперь уже выгораживаешься! Ты хоть покраснел бы для приличия! А, да точно... всё равно ж на твоей физиономии не видно, покраснел ты или нет, вот ты и не паришься.

— Кхм... — Цинь Хэ неловко кашлянул, лицо его вспыхнуло. Он и сам понял, что дело было не так, но всё же соврал во спасение, — Брат Чжоу, ты, наверное, что-то не так понял. Мы с даланом вовсе не ссорились, он и правда просто пришёл купить мясо.

— Хахахаха!.. — Чжоу вдруг расхохотался во всё горло. — Куй-фулан, ты и впрямь забавный человек! Неудивительно, что далан тебя так любит!

Куй У прищурился, шагнул вперёд и заслонил Цинь Хэ собой. В его взгляде блеснуло опасное предупреждение, направленное мяснику.

Мясник Чжоу поспешно поднял руки в знак капитуляции:

— Я просто так сказал, не всерьёз! Да я и сам в своей жене души не чаю, к тому же у меня еще и наложница есть, и детей несколько.

— Ладно, молчу, молчу. Вы, супруги, вместе держитесь, что ни скажете, всё правильно, — бормотал он, но в голосе звучал такой откровенный намёк, что его двусмысленность была куда более мучительной, чем любые слова. — Куй-фулан, присмотрел себе баранину? Сегодня уступлю, считай, в благодарность за то, что простил моего брата.

Цинь Хэ поспешно указала на нужные куски:

— Вот этот, и ещё вот этот. Полцзиня потрохов, и ещё две большие кости - сварю суп из баранины с потрохами.

Мясник Чжоу на миг опешил, уставившись на мясо на прилавке - его заказали немало. Пять цзиней свинины, два цзиня свиной кожи, целая баранья нога, полцзиня бараньей вырезки и несколько здоровенных бараньих костей.

— Куй-фулан, вы это к празднику закупаетесь? Не рановато?

Цинь Хэ уже собирался ответить, но его опередила младшая сестра Куй:

— Вовсе нет! Это моя невестка денег кучу заработал, вот и угощает нас мясом!

Заработал много? Если он ничего не путает, всего несколько дней назад этот самый Куй У ещё бегал за ним, уговаривая помочь продать конфеты, с которых прибыль выходила в пару вэней. Как же всего за несколько дней он вдруг стал таким богачом?

Куй У с торжествующим видом заявил:

— А ты, парень, только мясом торговать и горазд. Учись у меня - с моим талантом я даже на продаже конфет сумел дело вывернуть.

Мясник Чжоу прищурился, будто что-то вспомнил, и лицо у него прояснилось.

— Постой... Неужто это ты придумал ту самую сахарную розу, что в последние дни наделала столько шуму?

Куй У с важностью сложил руки, подражая манерам учёных мужей:

— Не смею скрывать, этот недостойный и есть я.

Выглядел он при этом как медведь, натянувший на себя человеческую одежду и пытающийся сойти за человека, причём плохо прикидывающийся. Цинь Хэ едва сдерживал смех, даже ущипнул себя за руку, чуть не оставив синяк.

Но мясник Чжоу уже весь обратил внимание на слова Куй У. В тот раз, когда тот обмолвился, что занялся продажей сладостей, Чжоу даже немного пожалел его. Всё-таки с детства вместе росли, и Куй У всегда был человеком с твёрдыми убеждениями. Позже он начал торговлю с кочевниками, дело пошло в гору, зажил на зависть многим. Чжоу был уверен, что тот и дальше будет заниматься перевозками: хоть прибыль и велика, риск тоже немалый, стоит оступиться, и ни денег, ни жизни, и что тогда с богатства? Зато если вести толково мясную лавку, разрастись по всему городу и за его пределами, можно в итоге стать по-настоящему зажиточным уважаемым господином. Поэтому он и не завидовал Куй У.

А тут вдруг тот бросает торговлю, начинает торговать конфетами с наценкой в пару медяков. Хоть и спокойнее, но слишком уж просто. Чжоу подумал тогда, что, видно, Куй У обзавёлся семьёй, решил остепениться, выбрал надёжность и стал мелким торговцем, который теперь будет вести обычную, ничем не примечательную жизнь, и уж точно его не догонит.

Но кто бы мог подумать, что всего за несколько дней этот до крайности обыкновенный бизнес с конфетами он ухитрится довести до совершенства. С таким подходом и товар уже не может стоять по-старому, цена тут же взлетает. И завидовал Чжоу вовсе не прибыли, сам он на мясе зарабатывал немало, а уму Куй У. С такой головой за что бы ни взялся, везде вывернется.

Мясник Чжоу испытал тысячу чувств, но виду не подал, лишь на миг что-то мелькнуло на лице.

— Далан, вот скажи: у тебя ведь с самого начала голова на плечах, зачем было ввязываться в такую рискованную торговлю? Гляжу, и вправду стоило тебе жениться на фулане - как только сердце успокоилось, так сразу и дороги новые открылись.

— Кстати, далан, сколько стоит твоя сахарная роза? — спросил он.

— Один лян серебра за букет, — без тени смущения ответил Цинь Хэ. Ему не за чем было скрывать: торговал он честно, открыто, цена всем известна.

Мясник Чжоу, хоть и был внутренне готов к высокому ценнику, всё же не сдержался и с шумом втянул в себя воздух.

— Прекрасно, это надо отметить! — сказал он. — У Куй-фулана сладости с самого начала были вкусные, у нас и взрослые, и дети любят. А теперь, с такой подачей, с этой розой - да они у тебя точно нарасхват пойдут!

Выйдя от мясника, Цинь Хэ заглянул в лавку с приправами, прикупил нужного, а мимоходом, заметив прилавок с тофу, взял ещё три бруска белого тофу.

— Сестра, беги домой, скажи маме и остальным, пусть приходят. А мы с твоим братом пойдём вперёд и начнём готовить, — распорядился он.

Куй Сяохуа весело откликнулась и, довольная, убежала домой.

— Мама! Невестка купил огромную баранью ногу и ещё кучу мяса! Сказал мне прибежать и вас звать мясо есть! — заорала Сяохуа, даже не дождавшись, пока дойдёт до дверей. Голос у неё был звонкий, как колокол, соседям по округе было слышно каждое слово.

Любопытные, завидев, что дело к угощению, уже начали выглядывать, но мать Куй, проявив расторопность, быстро всех разогнала дежурными вежливыми словами.

Затащив Сяохуа в дом и убедившись, что никто не слышит, мать Куй тут же принялась расспрашивать:

— Это что ж он опять мясо готовит? Да ещё и баранину на сей раз? Баранина ведь дорогая, сто восемьдесят вэнь за цзинь, разве такое мясо каждый день по карману? У него ведь с этих конфет прибыток всего-то пара вэней, ну в хороший день с десяток-другой выйдет. Как же он собирается выдержать такие траты? Да он ещё и тебя нанял - десяток с лишним вэней в месяц на твои карманные расходы, а мясо на столе каждый день. Да это выходит дороже, чем в лавке подмастерьем работать!

Мать Куй прикинула всё в голове и, наконец, решительно сказала:

— Завтра больше не ходи. Гляжу, он ведь только потому и тратится так, что ты каждый день рядом, а он, новенький в семье, да еще шуаньэр, неловко себя чувствует, вот и старается угодить угощением. Нечего его разорять.

Когда Сяохуа кричала, она вовсе не пыталась быть незаметной, наоборот, нарочно старалась, чтобы соседи услышали. Ведь раньше те сплетничали про ее брата, перемывали косточки, когда он хотел свататься, а теперь, когда он всё же женился, продолжают за спиной судачить. Так пусть знают - её брат теперь живёт прекрасно: может себе позволить такую дорогую баранину и не жалеет угощения. Пусть подавятся своей завистью.

Раз уж соседи услышали, то и домочадцы тоже, а раз уж дело дошло до баранины - это событие! А если уж звать на угощение, так и помогать надо, не годится просто сидеть и ждать. И взрослые, и дети вышли в главный зал, ожидая, что скажет старая хозяйка.

Сяохуа испугалась, что мать и впрямь запретит ей ходить к брату, и поспешила заговорить:

— Мама, да это совсем не так! Брат с невесткой ведь умницы! Невестка такие сахарные розы вырезает - как настоящие! А брат людей нанял, чтобы рекламу разнесли. Представь, девять маленьких роз стоят целый лян серебра! И ведь покупают! Эти сынки из богатых домов с барышнями так и рвутся купить, даже у прилавка невестки чуть не подрались. Потом невестка сказал, что нужно делать заказ заранее, и что ты думаешь? Ещё ничего не показал, а уже по пол-ляна вперёд платят!

— Все эти молодые господа и девицы как сумасшедшие наперегонки записываются, боятся не успеть! — добавила Сяохуа, с мольбой глядя на мать. — Так что это всего лишь еда и пара монет! Пустяки всё это, не запрещай мне к ним ходить, пожалуйста.

— Правда? — с недоверием переспросила мать Куй, слушая рассказ дочери. Всё это звучало уж больно сказочно, как из книжки.

— Сахарные розы... те самые, что в рассказах упоминаются? — вдруг вмешался второй сын, Куй-эрлан.

Сяохуа тут же закивала:

— Второй брат, ты знаешь?

Эрлан просиял:

— Конечно, знаю! Теперь не только я, но и весь город знает! Столько молодых господ хотят купить эти розы! Если правда девять штук стоят один лян серебра, то старший брат точно разбогател!

Сяохуа добавила:

— А ты думаешь, почему так дорого? Сахарные розы вырезать очень трудно, за одну ночь невестка всего две-три успевает. Вот потому и заказы берёт заранее, так и выходит прибыль.

Куй-эрлан тут же всполошился:

— Я могу научиться! Пусть невестка меня научит, я помогу вырезать!

И не успев договорить, уже стал собираться к дому Куй У. Даже жене, Цин-ши, сказал на ходу:

— Собирай детей и иди со мной! Сможешь помочь невестке на кухне!

— Он и не возьмёт вторую невестку, — фыркнула Сяохуа, с явным пренебрежением глянув на

Куй-эрлана. — У него готовка совсем не такая, как у нас дома, а как в настоящем ресторане. Я раньше тоже хотела помочь, а он не позволил, боится, что я испорчу хорошие продукты.

Куй-эрлан замялся, а потом возразил:

— Почему это он не возьмёт твою невестку? Цинь Хэ из семьи Цинь раньше и сам не лучше нас был, а теперь, как с братом поженились, мясо ест часто, вот и руку набил. Пусть и моя жена потренируется, глядишь, тоже научится вкусно готовить.

Неожиданно мать Куй холодно бросила:

— Ну так пусть тренируется. Дома. Как следует. Когда научится, тогда и поговорим о помощи. А пока не позорьтесь.

Куй-эрлан опешил, с открытым ртом уставился на мать:

— Мама, ты чего это? Что ты хочешь этим сказать?

— То и говорю, что слышишь, — рявкнула мать Куй. — Или у тебя в самом деле ночной горшок вместо головы, и ты не понимаешь по-человечески? Хочешь, чтоб жена твоя тренировалась? Пожалуйста. Заработай денег, купи продукты, пусть хоть целыми днями тренируется! Но у тебя есть для этого средства? У тебя вообще есть хоть какие-то способности, чтобы такие деньги приносить? В доме мясо на один раз еле-еле наскребаем, а ты собрался мясо на учёбу тратить? Ты сначала в уборную сходи, вылей из головы своё дерьмо, а потом приходи и разговаривай как человек!

Мать Куй обычно была с сыновьями и невестками мягка, редко когда говорила с раздражением, а уж тем более не позволяла себе унижать жен сыновей. Даже на зачатки, что те откладывали, никогда не покушалась - сколько кто сумел скопить, то и его, лишь бы на общие расходы в доме хватало. А тут вдруг безо всякой причины, да ещё на виду у всей семьи накинулась на второго сына так, словно врага увидела, да и отругала так, что уши вянут.

Цин-ши, жена Куй-эрлана, сперва хотела было заступиться за мужа, но, увидев в каком настроении свекровь, тут же осеклась, не посмела и рта раскрыть.

Шум в доме поднялся немалый, и отец Куй вышел узнать, в чём дело. Увидев, что вся семья собралась в главном зале, он спросил с хмурым лицом:

— Что тут происходит?

Куй-эрлан, прижавшись к стене с обиженным видом, тут же выложил всё как на духу, не утаив ни слова. В сердце у него теплилась надежда, что отец поймёт, заступится, восстановит справедливость. Но отец выслушал, кивнул спокойно и вдруг без тени сомнения сказал:

— Тогда разделим семью.

— Что?! — вырвалось у эрлана. Он аж глаза вытаращил, будто не поверил собственным ушам.

А мать Куй усмехнулась, холодно, с издёвкой, и, не говоря больше ни слова, села обратно на табурет.

Отец Куй мрачно уставился на Куй-эрлана:

— Ты себя кем возомнил? Кто ты в этом доме вообще? Старший брат в поте лица дело своё поднял, ты и пальцем не пошевелил. А теперь, как увидел, что у него дело пошло, так сразу прибежал, прицепился, хочешь на всём готовом урвать кусок. Да у тебя что, совесть совсем отмерла?

— В роду нашем, может, и не было ни министров, ни генералов, но даже наши предки знали, что такое честь и стыд. А ты, Куй-эрлан, такой алчный и бесстыжий, будто и не из нашего рода. Думаю, и делить-то нечего. Просто выставить тебя вон, и в родословной пусть только имя останется, больше ничего.

Куй-эрлан с глухим стуком рухнул на колени:

— Отец, ну зачем же так! Я ведь... Я ведь просто хотел с братом вместе денег заработать!

Отец усмехнулся холодно:

— В этом самом по себе и правда нет зла. Но ты хоть понимаешь, в чём ты провинился?

Куй-эрлан замер с растерянным лицом, не зная, что ответить.

Мать, фыркнув, ткнула в него пальцем:

— Я ж говорила - у него вместо мозгов горшок, а внутри одно дерьмо.

Отец Куй от её слов аж поперхнулся, закашлялся, чуть не захлебнулся собственной слюной. Белея от злости, он с трудом отдышавшись и прохрипел:

— Твой брат только начал зарабатывать, эти серебряные ляны на глаз вроде много, а на деле ни на что не хватает. Ты же даже не знаешь, что он задумал дальше, нужны ли ему вообще помощники. А скажу тебе прямо: твой брат с невесткой и вдвоём прекрасно справляются. Они могут спокойно всё прибыль себе забрать. С чего бы вдруг делиться с тобой, ни с того ни с сего?

— Даже ты знаешь об этой истории, значит, сколько же сил и времени они вложили в подготовку! — продолжал отец Куй с суровым лицом. — Ты что, думаешь, всё это делается простым движением губ? Да это и связи, и деньги - всё вложено по-настоящему. Ты хоть представляешь, сколько серебра они вбухали, прежде чем дело пошло? А ты ни гроша, ни усилия, ни участия не вложил, и лезешь, чтобы с тобой поделились. Всё тебе на блюдечке подавай. А на какой основании?

Мать Куй с насмешкой добавила:

— Полагаешься на то, что вы из одного живота вылезли? На то, что я всех вас родила, вот и думаешь, с братом у тебя всё общее?

Отец Куй про себя подумал: вот это удача - сегодня гнев жены направлен не на него, а то б досталось с лихвой. Прекрасный день.

Сделав вид, что ничего не слышал, он продолжил:

— Эрлан, ты, по сути, ничем не отличаешься от постороннего. Даже если уж далан и решит, кому помогать, то сперва он поможет нам, родителям. А ты тут при чём? Глянь вокруг - соседей сколько, вон, одни брат с другим из-за наследства лет по десять не разговаривают. Думаешь, если ты ему брат, то тебе больше причитается? Не больше. Вообще ничего не причитается.

Мать Куй разочарованно покачала головой:

— Это ведь изначально вовсе не было чем-то серьёзным, но уж больно ты себя безобразно повёл. Ты, наверное, забыл, кто у тебя старший брат. Думаешь, если он в последнее время не поднимал на тебя руку, то уже можно сесть ему на шею? Забыл, каково это, когда его кулаки тебя в землю вдавливают? А если ты и дальше будешь так себя вести и по-настоящему остудишь ему сердце, то не жди пощады, он тебя так отделает, что и жаловаться будет некому.

— А что до невестки... — мать хмыкнула с нескрываемым презрением. — Его вы и вовсе понять не в силах. Даже далан перед ним как ручной, с полуслова его слушается. А уж если до дела дойдёт, то на вас он даже силы тратить не станет, потому что недостойны. Ему и играть с вами неинтересно: слишком вы низкого уровня, только время зря терять.

— Ладно, — вмешался отец Куй, поставив точку, — иди и подумай над своим поведением.

Мать Куй повернулась к Сяохуа и сказала:

— А ты, если брат звал, иди, ешь. Он ведь сам тебя просил помочь, а старшая невестка к тебе хорошо относится, приглашает за стол - это потому, что у вас братская привязанность настоящая. Просто сама держи в голове, кто и как к тебе относится, и цени это. А про то, что у

нас в доме происходит, никому не болтай. Скажи, мол, мама ваши деньги жалеет, мясо не может есть, потому и просит поэкономнее жить, не разбрасываться.

Сяохуа ушла с тревогой в душе, будто на иголках, видно было, что переживает. А Куй-эрлан, хоть и стоял с обиженным лицом, всё же, переварив родительский нагоняй, начал смутно понимать, что и правда перегнул палку. Хоть он и считал, что в худшем случае просто поторопился, неужели за это стоило так его распекать?

На самом деле мать Куй устроила это не только ради него одного - это было «убить курицу, чтоб напугать обезьян», предупреждение всем сразу. Как она и сказала: никто ведь не видел, сколько именно серебра Куй У вложил в дело, чтобы оно начало приносить плоды. Сейчас торговля только-только пошла в рост, но что будет дальше, никто не знает. А братья вместо того, чтобы предложить помощь и облегчить долговое бремя, перво-наперво думают, как бы с барыша урвать кусок.

Эрлан хочет помочь - хорошо. А если и Санлан подключится? А если и две замужние дочери вспомнят, что они тоже «из семьи»? Тогда что останется самому Куй У? Почему никто не думает: если брату и правда понадобится помощь, он сам придёт, сам скажет, сам позовёт. Как с Сяохуа - никто в доме слова не сказал, а он сам обратился, позвал, и ни в чём её не обидел.

Когда Сяохуа вернулась в дом Куй У, она ни словом не обмолвилась обо всей этой домашней суматохе. Что велела мать сказать, то и передала, ни больше, ни меньше.

Вернулась она с заметно переменившимся лицом: ушла весёлой, а вернулась задумчивой и настороженной. Цинь Хэ, конечно, всё это заметил, но не стал спрашивать. Семья Куй теперь уже разделена, а раз так, то и считать их нужно как две отдельные семьи. В чужие дела, если не просят, лучше не соваться. Что не хотят рассказывать - значит, не твоё, и лезть туда не стоит. Потянешь руку слишком далеко, глядишь, кто-нибудь и отрубит.

Цинь Хэ разделил сваренный холодец: половину оставил есть с чесночным соусом, а половину мелко нарубил и замешал в мясную начинку. Внизу под очагом весело пылал огонь, а в глиняном котле томилось рагу из баранины. Втроем они налепили пельмени на целых два цзиня фарша, поджарили их до золотистой корочки с обеих сторон. Холодец под жаром расплавился, начинка стала сочной и ароматной. Один укус, и горячий бульон взрывался во рту.

Сяохуа уплетала за обе щёки, жир блестел у неё на губах:

— Невестка, у тебя просто волшебные руки! Если бы у меня была хоть половина твоего мастерства, я бы уже счастлива была.

Цинь Хэ лишь с улыбкой покачал головой, съел один пельмень, потом подцепил кусочек тофу. Не стоит недооценивать этот тофу - сверху он был щедро полит густым, ароматным мясным соусом, и вкус у него был просто отменный. На столе стояла ещё одна роскошная тарелка - тушёная свинина в карамельном соусе.

Все эти блюда втроём они подчистую прикончили, только две тарелки жареных пельменей, оставленные заранее для отца и матери Куй, остались нетронутыми.

Цинь Хэ наелся до отвала, развалился на кровати и, не моргнув глазом, скомандовал Куй У мыть посуду, а Сяохуа - отнести пельмени обратно домой. Сяохуа смотрела на своего старшего брата, который, по слову невестки смиренно перемывал посуду, и подумала: мама верно сказала: раз уж невестка может так легко управляться с даланом, то это уже уровень. Такие приёмы ей точно не переиграть. Лучше ей сидеть тихо, слушаться, и быть довольной тем, что дают мясо.

Впрочем, Сяохуа не ушла сразу. Осталась помочь Куй У с посудой, и только потом вернулась домой.

— Мама, невестка передал жареные пельмени, велел угостить вас, — сказала она, протягивая еду.

Мать Куй, увидев золотистые, аппетитные пельмени, невольно ощутила укол жалости - сколько же масла на них ушло! Но, напомнив себе, что старший сын теперь живёт отдельно, самостоятельно, да ещё и зарабатывать начал, тут же заставила себя успокоиться. Жалеть-то можно, но учить жизни уже не её дело. А уж если доведётся встретиться, наоборот, похвалит: и вкусно, и красиво.

— Очень вовремя, — сказала она, бросив взгляд на пельмени, от которых невозможно было оторвать глаз, — вторая невестка вон кашу сварила на ужин, с этими пельменями в самый раз.

Пельмени выглядели уж слишком аппетитно, тут даже если на был голодным, а глянешь на них, и слюнки текут.

В итоге взрослые и дети только зря облизывались: после того как самым младшим в доме детям выдали по одному пельмешку на нос, всё остальное благополучно перекочевало в животы отца и матери Куй. Сыновья с невестками не посмели ни слова сказать - всем было ясно: это не просто ужин, это молчаливое продолжение дневного нагоняя. Родители таким образом напоминали, кто в доме главный и у кого последнее слово.

Только Санлан чувствовал себя немного обиженным - он-то с женой ни в чём не провинился, рта не раскрыли, так почему же им ничего не досталось?

— Госпожа, я принесла! Я купила сахарные розы! — Люван, держа букет, влетела во двор как ураган, волосы растрепались от бега, но она и внимания не обратила.

— Сахарные розы... Вот они, настоящие сахарные розы! — глаза госпожи Ли засветились

восторгом. Она тут же бережно перехватила букет из ее рук, словно боялась, что чудо может растаять прямо у неё на глазах. — Такие красивые, будто настоящие! И ведь сладкие!

Она аккуратно сняла яркую обёртку, выбросила её в сторону, и, достав девять розочек, по одной вставила в фарфоровую вазу.

— Сахарные розы у меня есть... А где же ты, мой милый? — прошептала госпожа Ли, глядя на фарфоровую вазу с розами, словно в ней действительно хранилось нечто большее, чем просто сладости.

Люван с другой служанкой переглянулись и тихонько выскользнули за дверь. Как только они оказались снаружи, та вторая, не выдержав, прыснула от смеха:

— Ты бы на себя глянула! Волосы - будто с кем дралась!

Люван тут же принялась ее щекотать:

— Смеяться надо мной вздумала, да? Получай!

Пока они весело возились в коридоре, вдруг из комнаты раздался зов госпожи Ли:

— Люван.

Служанка тут же спохватилась и поспешила внутрь:

— Госпожа, вы звали?

— Угу, — кивнула Ли, — ты хорошо поработала. Это тебе награда.

Люван приняла завёрнутый в платок кусочек серебра. Он весил меньше лян, но ведь достался ей просто так, без всяких условий, оттого и радости было через край.

— Кстати, — почти между делом, поправляя локон у виска, небрежно спросила госпожа Ли: — Эти сахарные розы... их, наверное, трудно достать, да?

— Сейчас трудно достать, — ответила Люван. — Когда я пошла, там многие с пустыми руками уходили. А мне досталось только потому, что я с тем торговцем немного знакома. Он там одну хитрость придумал и отдал мне, а не то этот букет уже забрали бы.

— Чем труднее достать, тем лучше, — удовлетворённо кивнула госпожа Ли. — Иди, отправь приглашения нескольким молодым господам. Скажи, я зову их... полюбоваться сахарными

розами.

Люван хихикнула:

— Вот теперь те барышни точно позеленеют от зависти. Всё твердили про эти розы, искали, надеялись, а в итоге первой их получила наша госпожа. Значит, как ни крути, а у поместья Ли авторитет самый весомый.

Глаза госпожи Ли уверенно блеснули, но она лишь слегка улыбнулась:

— Разумеется.

<http://bllate.org/book/13598/1205836>